

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Достоевский Ф.М.

DOI 10.18522/1995-0640-2024-3-108-117

СПЕЦИФИКА СОБИРАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Галина Ивановна Романова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрены собирательные образы мецан и чиновников в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», во многом определяющие специфику его художественного мира. Актуальность работы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения типологии персонажей Достоевского. Новизна исследования связана с определением функций и специфики изображения сословной структуры общества в романе. Охарактеризована структура собирательного образа, объединенного сословной номинацией, статичностью внешнего вида и характера, сходством сюжетной роли.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», художественный мир, мецанство, чиновничество, собирательный образ*

Для цитирования: *Романова Г. И.* Специфика собирательных образов в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 108–117.

Original article

PECULARITIS OF COLLECTIVE IMAGES IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”

Galina I. Romanova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The author considers the collective images of bourgeoisie and officials in F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”, largely determining the specificity of his artistic world. The relevance of the work is explained by the need for further study of Dostoevsky's character typology. The novelty of the study relates to the definition of the functions and specificity of the depiction of the class structure of society in the novel. The structure of the collective image is characterized, united by class nomination, static appearance and character, similarity of the plot role.

Key words: *F.M. Dostoevsky, “Crime and Punishment”, artistic world, bourgeoisie, officialdom, collective image*

For citation: *Romanova G. I.* Peculiaritis of collective images in F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 3. P. 108–117.

Введение

Отражение социальной проблематики в романе «Преступление и наказание» затрагивается практически в каждой литературно-критической или историко-литературной работе, посвященной этому произведению, что является свидетельством **актуальности** данного аспекта содержания. При этом как наиболее показательные анализируются главные герои произведения, осмысливается их типология, в которой выделены образы мечтателя, героя-идеолога, подпольного человека, гордого человека [Одинокоев, 1981], а также приживальщика, юродивого и др. По мере исследования специфики главных героев романа усиливается интерес и повышается внимание к персонажам не первого плана [Устинова, 2010], высказываются полемические предположения об их сюжетных и содержательных функциях [Ветловская, 2008], предпринимаются попытки обобщающих суждений о типологии героев Достоевского [Макаричев, 2020]. Несмотря на заинтересованность исследователей в изучении реалистичности изображения жизни и характеров в романе [Сыромятников, 2023], художественные функции и специфика воспроизведения сословной структуры общества в «Преступлении и наказании» пока не охарактеризованы. Обращением к этому аспекту классического романа обусловлена **новизна** данного исследования. Выявление особенностей социальной структуры и содержательной функции системы персонажей романа «Преступление и наказание» в его художественном мире предполагает применение культурно-исторического и структурно-семиотического подходов.

Исследование и его результаты

Художественный мир произведения представляет собой систему, в которой действуют свои законы. Отмечая единство всех элементов внутреннего мира произведения, Д. С. Лихачев утверждал: «То же следует сказать о социальном устройстве мира художественных произведений, и это социальное устройство художественного мира произведения следует отличать от взглядов автора по социальным вопросам и не смешивать изучение этого мира с разрозненными сопоставлениями его с миром действительности. Мир социальных отношений в художественном произведении также требует изучения в своей цельности и независимости» [Лихачев, 1968, с. 77]. В целом мир зависит от реальности, т. е. соотносится с нею в творческой деятельности писателя и читателя.

Художественный мир романа «Преступление и наказание» густонаселен, его персонажи представлены огромной и беспорядочной толпой, но скорее это читательское впечатление, вызываемое характерным признаком жанра романа, воссоздающего значительный пласт жизни. Достоевский показывает население столичного города, той его части, в которой главные действующие лица находятся в едином потоке со «всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч.» [Достоевский, 1989, с. 8]. Автором подчеркивается множественность «всякого люда», горожан, социальная принадлежность которых связана с местом их проживания: «квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках» [Достоевский, 1989, с. 7]. И все-таки система персонажей романа «Преступление и наказание», включающая множество эпизодических и собирательных действующих лиц,

четко структурирована. Основные герои тесно связаны между собой родственными отношениями (семья Раскольниковых, силою обстоятельств вступившая в отношения с Марфой Петровной, ее мужем Свидригайловым и дальним родственником Лужиным, семья Мармеладовых, старуха-процентщица со своей сводной сестрой). Второстепенные персонажи объединены местом проживания (съемные квартиры в доходных домах) или службы (квартирный, городской, становой пристав, следователь). Обращает на себя внимание особенность номинации второстепенных персонажей: в большинстве случаев это *сословные обозначения*: чиновники, мещане, военные. Лица духовного звания отмечены дважды – это «священник с запасными дарами, седой старичок» и дьячок, которые «шли служить панихиду» в эпизоде кончины Мармеладова (ч. 2, VII), и старый священник «с дрожашею головой» в сцене Раскольникова (ч. 1, V). «Благородные сословия» упоминаются только иронически в замечании Разумихина (Раскольниковым в бреду «о графине ничего не было сказано») и комически – в фантазиях Катерины Ивановны Мармеладовой.

В романе создан *собирательный образ* типичного городского жителя – мещанина. Общее представление о петербуржце создается у читателей в результате объединения упоминаний повествователя, отдельных реплик, описаний внешности, сюжетных ситуаций с участием часто безымянных лиц, принадлежащих одному сословию. Констатирующая сословную принадлежность номинация *мещанин* характерна для речи повествователя, изменяется только в зависимости от ситуации общения, выполняет социально-знаковую функцию. Повествователь использует неопределенные местоимения «некто», «кто-то» для обозначения неизвестного, не конкретизированного (именем или сословным обозначением) лица, выделяет из толпы отдельного горожанина.

Соответственно номинации, мещане фигурируют в массовых сценах, происходящих на улицах и площадях города, во дворах доходных домов, а также в снах главного героя. Эти действия раскрывают характер толпы и создают насыщенное жизненное пространство, которое только условно можно назвать фоном. Мещане Достоевского участвуют не только в массовых сценах, но и в развитии сюжета, связаны с поступками главных героев. В ряде ситуаций они способствуют развитию действия или тормозят его, запутывают интригу.

В целом дан *собирательный образ* сословия, особенность которого заключается в том, что он не предполагает развития, изменений, отдельные персонажи как бы дополняют друг друга, изображение внешнего вида статично, как в физиологическом очерке. При этом выполняется важная содержательная функция – собирательный образ воплощает ценностные ориентации автора. Традиционно номинации (как и элементы художественного мира) читатели соотносят с *явлениями действительности*. Образ жизни, обычаи, внешний вид представителей разных сословий в России XIX в. резко различались, что констатировали литераторы. Так, В. Г. Белинский в статье «Мысли и заметки о русской литературе» (1846) отмечал: «В нашем обществе преобладает дух разъединения: у каждого нашего сословия все свое, особенное – и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык. Чтоб убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, помещик, купец, мещанин, поверенный по делам или управляющий, духовный, студент, семинарист, профессор, художник; увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков... Так велико разъединение, царствующее между этими представителями разных классов

одного и того же общества!» [Белинский, 1955, с. 430]. В 1860-е гг. еще сохранялись жесткие сословные границы, сословная принадлежность определялась в первую очередь по внешнему виду, соответственно выстраивалась иерархия отношений. В романе Достоевского отражены и наметившиеся изменения, намеки на процессы размывания сословных границ. Так, простой городской люд не может определить, кто таков целующий землю на площади: «Из благородных! – заметил кто-то солидным голосом. – Ноне их не разберешь, кто благородный, кто нет» [Достоевский, 1989, с. 498].

Резкие оценочные высказывания в адрес представителей иных сословий звучат в речи персонажей «Преступления и наказания». Студент Разумихин уважительно называет своего приятеля «благородным студентом», презрительно обзывает квартальных надзирателей «кварташками». Предполагаемый свидетель для следователя Порфирия Петровича – «проклятый мещанишка». Таким образом, передана сословная неприязнь, представления персонажей о «благородных» и «неблагородных» слоях общества. Но в трагической ситуации (попытка самоубийства), свидетелем которой стал Раскольников, звучит сочувственные («жалостливые») выражения: «мещаночка» («Мещаночка, батюшка, наша мещаночка»), «Афросиньюшка». Значение имени мещанки имеет и глобальное толкование как содержащее «одновременно и замысел о человеке (и о душе Раскольникова, в этом случае) – и то, как человек искажает этот замысел в процессе своей жизни» [Касаткина, 2022, с. 61].

Во время написания романа «Преступление и наказание» слово «мещанин» пояснялось в словаре В. Даля так: «Горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу мещан принадлежат также ремесленники, не записанные в купечество...» [Даль, 1865, с. 342]. Позже слово стало использоваться для обозначения человека с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким кругозором.

Мещане – люди малоимущие, подневольные, их положение в обществе ярко характеризует тот факт, что только в середине XIX в. они были освобождены от телесных наказаний. Получив образование, мещанин мог перейти в сословие разночинцев, с новых позиций осмысляя внутренний уклад жизни сословия, к которому принадлежал по рождению, его специфические проблемы социального, морально-нравственного плана. В литературных произведениях разночинцев мещанство изображалось критически. Наиболее яркий пример – повесть «Мещанское счастье» (1861) Н. Г. Помяловского. Собираемый образ мещанина в петербургском романе Достоевского можно рассматривать как новый этап в развитии этого литературного типа, в изображении которого преобладает негативная оценка. Со временем в литературе критизм мещанской ограниченности только усиливался. Позднее косность наименее культурных представителей мещанского сословия изображена в пьесе «Мещане» (1901) и в «Заметках о мещанстве» (1905) М. Горького.

В романе Достоевского мещанин – это хмельной завсегдаятай распивочной (в которой, в отличие от трактира, не подавалась еда, а предоставлялась только выпивка), занимающийся мелкой торговлей, непривлекательный внешне, грубый, подозрительный, недоверчивый, иногда насмешник. Так, в сцене покаяния Раскольникова на площади подает насмешливый голос «какой-то пьяненький из мещан»: «Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется, столичный город Санкт-Петербург и его грунт лобызает...» [Достоевский, 1989, с. 498].

Экономически независимые горожане в романе названы по имени, отчеству, фамилии. Это владелицы публичных домов (Луиза Ивановна, Дарья

Францевна, способствовавшая ей Амалия Федоровна), а также Гертруда Карловна Ресслих («мелкая процентщица, занимающаяся и другими делами»), содержатель трактира крестьянин Душкин и др. К мещанскому сословию, по замыслу писателя, принадлежал и главный герой. В письме к издателю Каткову Достоевский указал: «бывший студент из мещан...» [Достоевский, 1996, с. 273]. В окончательном тексте такого определения нет, главный герой назван по имени, отчеству и фамилии, номинация *молодой человек* в конце романа приобретает философский смысл: по дороге в участок перед признанием «он остановился на мгновение, чтобы перевести дух, чтоб оправиться, чтобы войти *человеком* (курсив Достоевского. – Г. Р.)» [Достоевский, 1989, с. 499]. Гроссман отметил противоречие: Раскольников по происхождению мещанин, но каторжане признают в нем «барина», облик его вполне аристократический, да и «социальная теория о праве сильных...» могла появиться, по мысли ученого, только у представителя «привилегированного сословия» [Гроссман, 1935, с. 32]. Намерение автора показать молодого человека из «хорошей фамилии», высказанное в начальной редакции, не выражено прямо в окончательном тексте романа, однако влияет на читательское восприятие, вызывая впечатление дворянского происхождения главного героя.

Из толпы горожан повествователем выделяется безымянный *мещанин*, его отношения с Раскольниковым осложняют основную сюжетную линию, придавая ей напряженность и мотивируя резкую смену положений. Внешность мещанина (одетого «в чем-то вроде халата, в жилетке и очень походившего издали на бабу») напоминает Плюшкина [Гоголь, 1951] и позволяет выделить его из толпы горожан номинацией *мещанин в халате*. Он занимается скорняжным ремеслом, известен в округе тем, что «пьет, мерзавец, горькую». Этот мещанин заподозрил Раскольникова в убийстве и стал его преследовать, чем вызвал острые переживания и страх. Убийце обычный представитель толпы видится как «загадочный человек», «призрак, явившийся из-под земли» [Достоевский, 1989, с. 313].

Именно присутствие «мещанина в халате» в участке подвело сцену допроса Раскольникова к возможному обвинению. Но неожиданное появление Миколки в решающий момент сорвало план следователя Порфирия и кульминацией стало покаяние красильщика, убедившее мещанина в невиновности Раскольникова. История Раскольникова и мещанина разрешается просьбой последнего простить его «за оговор и злобу». Таким образом, из толпы горожан выделен персонаж, чья функция заключается в создании ложной кульминации, нарушении ожиданий, что тормозит ход расследования. Эта подмена вызывает досаду у Порфирия Петровича, в дальнейшем именующего ложного свидетеля «этот проклятый мещанинишка» [Достоевский, 1989, с. 425].

К мещанскому сословию относились и *дворники*. Однако в романе эта номинация свидетелем служит об особом собирательном образе, сохраняющем характерные признаки: отсутствие индивидуальности, внешнее сходство, единство выполняемых функций. Основные рабочие обязанности дворников были хорошо известны современникам писателя, кроме того, детально рассмотрены в физиологическом очерке В. Луганского (В. И. Даля) «Петербургский дворник» (1844). Дворник не только следил за чистотой двора, но и доставлял жильцам дрова («дров в четвертый этаж, за полтинник на месяц, принеси»), был сторожем и представителем власти в своем дворе: «и дом стереги и в часть сбегай с запиской о новом постояльце» [Луганский, 1984, с. 76]. Кроме этого, «промышлял» дополнительно: деньги в рост отдавал, приторговывал, чтобы кормить «дома, в деревне семью» [Луганский, 1984, с. 82]. Со-

словная принадлежность определяется и налогами, которые по-разному выплачивались крестьянством и городскими жителями: «Вишь, пора тяжелая, хлеба господь не родит, земли у нас малость – а тут подушное, оброк, земство...» [Луганский, 1984, с. 82–83]. Мещане платили подушную подать до 1866 г.

В романе «Преступление и наказание», как в физиологическом очерке, дворники выполняют различные обязанности, вместе с другими городскими обывателями представляя социальный фон романа. Так, в конторе, куда вызвали Раскольникова, «вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой» [Достоевский, 1989, с. 91]. Дворник из дома, в котором квартировал Раскольников, выполняет в основном *сюжетные функции*, совершая действия, мотивирующие и объясняющие поступки главного героя. Из дворницкой, дверь в которую всегда открыта настежь, Раскольников взял топор, вернув его туда же, совершив убийство. Известная по физиологическому очерку занятость на рабочем месте исключала необходимость пояснения всегда открытой двери дворницкой и наличия в ней топора, лежавшего под лавкой между поленьями.

Тот же дворник приносит Раскольникову повестку в участок, в чем можно усмотреть отголосок традиционной для классической трагедии *функции вестника*, сообщающего о том, что происходило за сценой (преимущественно об окончании событий и смерти героя). Появление дворника вызывает у Раскольникова безотчетный страх: «“Что им надо? Зачем дворник? Всё известно. Сопротивляться или отворить? Пропадай...” Он с вызывающим и отчаянным видом взглянул на дворника. Тот молча протянул ему серую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом. – Повестка, из конторы, – проговорил он, подавая бумагу» [Достоевский, 1989, с. 89].

В доме, где жила старуха-процентщица, «служили три или четыре дворника. Молодой человек был очень доволен, не встретив ни которого из них, и неприметно проскользнул сейчас же из ворот направо на лестницу» [Достоевский, 1989, с. 8]. Здесь же дворник выполняет *функции сторожа*: к нему уходят посетители, обнаружившие, что хозяйка не отвечает на звонок, хотя дверь закрыта изнутри. Поиски дворника становятся объяснением дальнейшего развития событий – у убийцы появляется возможность незаметно ускользнуть с места преступления. Недаром во время болезни в бреду Раскольников называет не только чинов из полицейского участка, но и дворника.

«Множественность» дворников передана и в сбивчивой речи Миколки-красильщика, перечислившего каждого из них: «Набежал я с размаху на дворника и на господ, а сколько было с ним господ, не упомяну, а дворник за то меня обругал, а другой дворник тоже обругал, и дворникова баба вышла, тоже нас обругала...» [Достоевский, 1989, с. 132].

Безымянный дворник выполняет функции связующего звена между многочисленными персонажами и жизнеподобной мотивировкой сюжетных событий. Так, некий дворник указывает дорогу Раскольникову, искавшему новую квартиру Разумихина. За дворником посылает Лужин, чтобы произвести обыск Сони. Вернувшись на место преступления под предлогом нанять квартиру, убийца «при самом входе» останавливается с дворниками, заведя разговор про контору, когда работник передает слова Раскольникова, зачем кровь отмыли, «дворник с недоумением и нахмурясь разглядывал Раскольникова», но на предложение «свести в контору» студента решил «не связываться» [Достоевский, 1989, с. 167–169]. Отказ дворника провоцирует «мещанина

в халате» к действиям и выяснению причин появления Раскольникова во дворе дома, в котором произошло убийство.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что, хотя в исторической действительности дворник являлся городским жителем – мещанином, созданные в романе собирательные образы мещан и дворников выполняют различные функции, но вместе они представляют фон, на котором проявляются характеры главных и второстепенных персонажей.

К собирательным образам романа относится и изображение *чиновничества*. Эта социально значимая номинация используется и повествователем, и персонажами. Так, к Разумихину, нанявшему комнату в квартире чиновника Бабушкина, приглашены на новоселье «студенты, учитель, чиновник один, музыкант один, офицер...» [Достоевский, 1989, с. 127]. Из различных персон, лишенных индивидуальных черт, складывается в романе образ чиновничества. О принципиальном отличии мещанина от чиновника свидетельствует замечание повествователя: «Была же Лизавета мещанка, а не чиновница...» [Достоевский, 1989, с. 64]. Сословное уточнение первичный субъект речи в романе вносит при упоминании и других персонажей. Одно из важнейших – определение убитой старухи: в романе говорят об «убийстве старухи-то закладчицы, чиновницы...», Свидригайлов Дуне: «Он убил старуху чиновницу, процентщицу». Свое признание Раскольников начинает словами: «*Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил* (курсив Достоевского. – Г. Р.)» [Достоевский, 1989, с. 503]. На первом месте указывается не род занятий, а сословная характеристика старухи.

Сюда же включены «отставные чиновники», которые время от времени встречаются на пути главного героя («Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию. Он беспрерывно взглядывал на чиновника...» [Достоевский, 1989, с. 13]). Отличительными чертами могут быть национальность и семейное положение (Раскольников «знал, что в этой квартире жил один семейный немец, чиновник» [Достоевский, 1989, с. 8]).

Номинация *чиновник* содержит положительные коннотации: человек, занятый на службе, солидный, которому не чужда забота о ближнем. Эти качества проявляет «один господин в вицмундире и в шинели, солидный чиновник лет пятидесяти, с орденом на шее (последнее было очень приятно Катерине Ивановне и повлияло на городского)» [Достоевский, 1989, с. 408], который подал вдове сначала деньги, затем помог перенести ее в дом. Дослужившись до высокого класса, чиновник становится уважаемым человеком. Так, мать Раскольникова в своем письме указывает, что Петр Петрович Лужин уже дослужился до надворного советника. Этот чин после реформы 1853 г., сократившей привилегии чиновничества, давал право на личное дворянство. С точки зрения Пульхерии Александровны, Лужин – «человек он благонадежный, деловой и занятый, весьма солидный, расчетливый и кажется, добрый, прямодушный» и т. д. Однако Раскольников, доверяя только житейскому опыту, дает ему прямо противоположную характеристику: невесту с матерью «поднадул», в дальнейшем «нос налепит» и т. д. При личной встрече с ним не церемонится и выставляет «благородного» чиновника за дверь. Стать чиновником – реальная, но очень отдаленная по времени перспектива для Раскольникова: «...я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячью рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное)» [Достоевский, 1989, с. 394].

Специфика собирательного образа чиновника и его отличия от образа мещанина обусловлена тем, что чиновники в романе более персонифицированы: имеют имена собственные, элементы биографий, обладают более индивидуализированной внешностью. Кроме того, из массы персонажей, имеющих отношение к чиновникам, в романе выделен титулярный советник Семен Захарович Мармеладов, наделенный не только подробными биографическими сведениями и детально выписанной внешностью, но и приметной особенностью – склонностью к пьянству, что отражает замысел романа «Пьяненькие», и с которым связан значительный пласт содержания романа «Преступление и наказание». «Положительные» представления о чиновнике сказались в описании внешности Мармеладова: «в ухватках его чувствовалось что-то солидно-чиновничье» [Достоевский, 1989, с. 14]. Обладает этот персонаж и характерной для произведений Достоевского чертой «маленького человека» – амбициями [Романова, 2023].

Более сложен по сравнению с мещанином характер чиновника, складывающийся из качеств, проявляемых на службе. Так, Никодим Фомич, квартальный надзиратель (чиновник десятого класса по Табели о рангах), проявляет милосердие к потерпевшему Мармеладову («...в толпе вдруг столкнулся с Никодимом Фомичом, узнавшим о несчастье и пожелавшим распорядиться лично»). Однако реакция Раскольникова на его действия («“Не беспокойте очень бедную женщину, она и без того в чахотке. Ободрите ее, если чем можете... Ведь вы добрый человек, я знаю...” – прибавил он с усмешкой, смотря ему прямо в глаза» [Достоевский, 1989, с. 178]) вносит сомнения в проницательность повествователя и может быть воспринята читателями как аллюзия на замечание о доброте сердечной у чиновника-мошенника в «Мертвых душах», который тоже «не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша» [Гоголь, 1951, с. 116].

В подчинении у доброжелательного квартального надзирателя находится грубый, вспыльчивый поручик Илья Петрович Порох. Эти чиновники являют собой прообраз пары «добрый и злой полицейские». Квартальный надзиратель называет его «наиблагороднейшим человеком, золотым сердцем», но Раскольников видит в нем «сквернейшего Илью Петровича» и для покаяния предпочел бы «доброе» квартального.

Заключение

Как показывает анализ, собирательность образов связана с устойчивой номинацией, слабой индивидуализацией действующих лиц, как бы дополняющих друг друга, сходством выполняемых в сюжете действий, что позволяет говорить о литературных типах мещанина и чиновника в романе, выражающих авторские ценностные ориентации. Структура собирательных образов связана с представлениями о сословиях и концепцией социальной жизни, характерной для мировоззрения Достоевского. Изображение сословий в «Преступлении и наказании» обусловлено жанровыми особенностями, связано со спецификой художественного мира: «Тип картины мира, тип сюжета и тип персонажа взаимообусловлены», – писал Ю. М. Лотман [Лотман, 1970, с. 294]. Наряду с главной социально-знаковой функцией – представлением в романе городской среды – мещане и чиновники выполняют вспомогательную роль в сюжетных действиях.

При этом особое значение приобретают отношения и взаимосвязи главного героя с персонажами, представленными как городские массы. Очевидно, что Раскольников пытается отделиться от среды, существовать в которой вы-

нужден по рождению и состоянию. Толпа его тяготит и пугает, она также не признает права отдельной личности (Раскольникова, в частности) на свободу действий и поведения. Бедный студент становится предметом насмешек и подозрений окружающих еще до совершения преступления. Стремление к отчуждению от среды, в которой вынужден существовать, становится дополнительным аргументом и мотивом преступного поведения. В дальнейшем анализ специфики собирательных образов может способствовать уточнению художественной реализации и авторского осмысления теории среды в произведениях Достоевского.

Список источников

- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. : в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 9. 804 с.
- Ветловская В. Е.* Литературные и реальные прототипы героев Достоевского («мещанин в халате» в «Преступлении и наказании») // Русская литература. 2008. № 1. С. 194–205.
- Гоголь Н. В.* Мертвые души // Полн. собр. соч. : в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6. 922 с.
- Гроссман Л. П.* Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Гослитиздат, 1935. С. 5–52.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. Общества любителей русской словесности, 1865. Ч. 2. 1318 с.
- Достоевский Ф. М.* Собр. соч. : в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 574 с.
- Достоевский Ф. М.* Собр. соч. : в 15 т. Л.: Наука, 1996. Т. 15. 856 с.
- Касаткина Т. А.* «Преступление и наказание»: как создается глубокий текст // Достоевский и мировая культура. Филол. журн. 2022. № 1 (17). С. 52–62.
- Лихачев Д. С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- Луганский В.* Петербургский дворник // Физиология Петербурга. М.: Советская Россия, 1984. С. 73–83.
- Макаричев Ф. В.* Парадоксы системы художественных образов Ф. М. Достоевского // Русская литература в иностранной аудитории. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 94–100.
- Одинокое В. Г.* Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1981. 145 с.
- Романова Г. И.* Манипуляция и нравственный императив в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Вестн. Гос. гуманитар.-технол. ун-та. 2023. № 2. С. 187–193.
- Сыромятников О. И.* Реализм Достоевского: продолжение спора // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21(1). С. 140–161.
- Устинова Е. В.* Образы квартальных надзирателей в художественной системе романа Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский: материалы и исследования. 2010. Т. 19. С. 143–151.

References

- Belinsky V.G. (1955). *Complete Collected Works*: in 13 vols. Moscow, Russian Academy of Sciences, vol. 9, 804 p. (In Russian).
- Dahl V. (1865). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow, Publication of the Society of Russian Literature Lovers, part 2, 1318 p. (In Russian).
- Dostoevsky F.M. (1989). *Collected Works*: in 15 vols. Leningrad, Science, vol. 5, 574 p. (In Russian).
- Dostoevsky F.M. (1996). *Collected Works*: in 15 vols. Leningrad, Science, vol. 15, 856 p. (In Russian).

- Gogol N.V. (1951). *Dead Souls. Complete Collected Works*: in 14 vols. Moscow, Leningrad, Russian Academy of Sciences, vol. 6, 922 p. (In Russian).
- Grossman L.P. (1935). City and People of "Crime and Punishment". Dostoevsky F.M. *Crime and Punishment*. Moscow, State Publishing House, pp. 5-52. (In Russian).
- Kasatkina T.A. (2022). "Crime and Punishment": how a profound text is created. *Dostoevsky and world Culture. Philological Journal*, no. 1 (17), pp. 52-62. (In Russian).
- Likhachev D.S. (1968). The inner world of an artwork. *Questions of Literature*, no. 8, pp. 74-87. (In Russian).
- Lotman Yu.M. (1970). *The Structure of the Artistic Text*. Moscow, Art, 384 p. (In Russian).
- Lugansky V. (1984). Petersburg Wiper. *Physiology of Petersburg*. Moscow, Soviet Russia, pp. 73-83. (In Russian).
- Makarichev F.V. (2020). Paradoxes of F.M. Dostoevsky's system of artistic images. *Russian literature in a foreign audience*. St. Petersburg, Herzen University, pp. 94-100. (In Russian).
- Odinokov V.G. (1981). *Typology of Images in the Art System of F.M. Dostoevsky*. Novosibirsk, Science, 145 p. (In Russian).
- Romanova G.I. (2023). Manipulation and moral imperative in the novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky. *Bulletin of State University of Humanities and Technology*, no. 2, pp. 187-193. (In Russian).
- Syromyatnikov O.I. (2023). Dostoevsky's realism: continuation of the dispute. *The Problems of Historical Poetics*, no. 21(1), pp. 140-161. (In Russian).
- Ustinova E.V. (2010). Images of neighbourhood wardens in the artistic system of Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Dostoevsky: Materials and Research*, vol. 19, pp. 143-151. (In Russian).
- Vetlovskaya V.E. (2008). Literary and real prototypes of Dostoevsky's heroes ("bourgeois in a dressing gown" in "Crime and Punishment"). *Russian Literature*, no. 1, pp. 194-205. (In Russian).

Сведения об авторе

Романова Галина Ивановна – докт. филол. наук, доцент, профессор, департамент филологии, Институт гуманитарных наук, galinroma@mail.ru

Information about the Author

Galina I. Romanova – Ph.D. in Philology, associate professor, professor of the Department of Philology, Institute of Humanities, galinroma@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 21.06.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 21.06.2024; accepted for publication 21.06.2024.